

Ава Морденбрук

**Тайна
старинного
портрета**

Ава Морденбрук

Тайна старинного портрета

«Автор»

2025

Морденбрук А.

Тайна старинного портрета / А. Морденбрук — «Автор», 2025

ПОРТРЕТ МАНИТ Антур — наследник московской династии антикваров. Ему хватает денег, связей и лёгкого цинизма, чтобы не привязываться ни к людям, ни к вещам. Но однажды он покупает портрет девушки XIX века с необычно зелёными глазами. **ОДНА ПОКУПКА. КЛУБОК СМЕРТЕЙ.** Изумрудные глаза зовут на помощь, отправляя Антура в гонку за правдой сквозь два века интриг и тайн. Клад до сих пор манит убийц. Разгадает ли Антур послание — или станет очередной жертвой? Книга погрузит вас в атмосферу захватывающих приключений, детективных расследований и неожиданных открытий, заставляя вновь и вновь возвращаться к страницам, пока правда наконец не раскроется...

© Морденбрук А., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Ночные поиски	5
Ловушка в адресе	9
Помощь и откровение	13
Истина в ночной тени	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Ава Морденбрук

Тайна старинного портрета

Ночные поиски

Семь часов утра. Город еще дремал в предрассветной дымке.

Антур остановился на краю Тверского бульвара, запрокинув голову к небу. За спиной остались два часа беспорядочных блужданий – осколки ночи, которая началась в пятом часу утра, когда они покинули «Рай», один из самых модных клубов столицы. Из первоначальной компании в семь человек осталось двое: его верный друг Ферзь и новый знакомец Владимир, появившийся неизвестно откуда в районе трех часов ночи.

Голова еще кружилась от смеси музыки, спиртного и адреналина.

«Мне нужно что-то настоящее», – подумал Антур, и слова просто вырвались из него, как выстрел. – Давайте к художникам!

Ферзь фыркнул, но без привычной иронии. Он прекрасно знал, что в таком состоянии Антур непредсказуем – опасно непредсказуем.

– В семь утра? Seriously? Они спят, мой друг. Нормальные люди спят.

Но Антур уже доставал из кармана пачку купюр – толстую, солидную, не потраченную за всю ночь. Деньги, которые для него были просто... деньгами. Наследник Дома не считает по мелочам.

Владимир, молчавший до сих пор, медленно повернул голову. В его глазах блеснуло что-то неопределенное – интерес? Расчет? Опасность?

– Я знаю одно место, – произнес он спокойно. – Но это не совсем обычная мастерская.

Ферзь нахмурился. Что-то в его голосе не понравилось ему.

– Что ты имеешь в виду?

Владимир улыбнулся, но улыбка эта не достигла глаз.

– Попробуем узнать?

Антур уже шагал вперед, всё еще сжимая деньги в руке. Ему казалось, что эта ночь еще не закончилась. Стоя на пороге утра он что-то предчувствовал. Что-то большое.

Ферзь поспешил за ним, про себя проклиная наследников и их прихоти.

Мастерская оказалась не мастерской в классическом понимании. Это был просто двор – серый, обшарпанный, где на покосившихся деревянных подставках и развешанных по стенам гвоздиках лежали и висели холсты, скульптуры, инсталляции. Работы отчаянных художников, которые верили: сегодня, может быть, именно сегодня кто-то остановится и скажет: «Вот это – искусство».

Ферзь медленно повертел головой, разглядывая беспорядок вокруг.

– Ищите что-то особенное, господа? – голос раздался откуда-то с левой стороны.

Фигура, из которой он исходил, была едва заметна среди собственных же творений. Мужчина, стоявший перед ними, выглядел так, словно сам являлся частью этого искусства – но никто не захотел бы его купить. Рваная рубаха, спутанные волосы, лицо, на котором не было видно кожи под слоями краски и грязи. Запах от него шел такой, что даже в холодном утреннем воздухе хватало, чтобы поморщиться.

Но глаза... глаза горели.

– У меня есть для вас бриллиант, – объявил он, и вдруг расхохотался так, что аж поперхнулся. – Настоящий бриллиант.

Антур перехватил взгляд Владимира. Тот стоял неподвижно, внимательно наблюдая за художником.

– Покажи, – сказал Антур с едва скрываемой усмешкой. – Но сначала – покажи.

– А вы сможете его оплатить? – художник сузил глаза, изучая их, словно кредитный калькулятор. Его перепачканные краской пальцы нервно дергались. – Вот в чем вопрос.

Ферзь открыл рот, но Антур его опередил, протянув пачку денег так, чтобы та была хорошо видна даже в полутьме двора.

– Сначала товар. Потом решим, твердо произнес Антур. – Никаких разговоров.

Художник уставился на деньги как гипнотизируемый кролик на змею. Потом медленно кивнул.

– Это моя реликвия, – зашептал он, и тон его изменился. Исчезла беспечность, осталось что-то древнее, тяжелое. – Мне нельзя все же ее продавать. Я слишком долго ее скрывал. Но деньги... мне нужны деньги.

Он повернулся и провел их в небольшое помещение – похоже, его личное прибежище. Комната пахла олифой, табаком и чем-то еще, что Антур не сразу узнал. Запах старины.

На полках, на стульях, на полу – везде лежали кисти, краски, обрывки холста. Но в центре комнаты, на самодельном постаменте из кирпичей, стоял...

Небольшой предмет, завернутый в черную ткань.

– Вот она, – прошептал художник, и его голос дрожал. – Вот мой бриллиант.

Владимир шагнул ближе. Его спокойствие куда-то исчезло – в его движениях появилась напряженность охотника, заметившего добычу.

Ферзь посмотрел на Антура. В его глазах отражалось беспокойство.

Что-то здесь было не так. Совсем не так.

– Открывай, – произнес Антур, и в его голосе послышался приказ.

Художник дрожащими руками развернул черную ткань.

Портрет.

Это было настоящее произведение искусства – в этом не было никаких сомнений. Девушка, писанная с такой тонкостью, такой нежностью, что казалось, вот-вот выпорхнет с портрета и рассмеется. Платье XIX века – богатое, с кружевом и жемчугом, в стиле романтизма. Волосы, каштановые, с серебристым отливом. И...

Глаза.

Антур почувствовал, как что-то произошло внутри. Холод пробежал по спине, волосы встали дыбом. Эти глаза – изумрудные, почти светящиеся даже на холсте – смотрели прямо в него, сквозь него, будто знали что-то, что он сам о себе не знал.

Он не мог оторваться.

Краем уха он слышал голос художника – что-то про наследство, про странности родственника. Слова текли мимо, как вода сквозь пальцы.

– ...от дяди достался мне по наследству, – повторял художник, его голос дрожал от азарта. – Человек был закрытый. Очень странный. Помимо этого портрета у меня есть еще его вещи. Я готов вам уступить всё, что он оставил...

Ферзь фыркнул с такой силой, что даже Владимир обернулся.

– Держи карман шире, художник. Вот это наглость! Пойдем, Антур, – схватил друг его за рукав. – Меня кажется, нас здесь решили обмануть. Это подделка, видно же. Работа из интернета, размноженная на холсте...

Но Антур не двигался.

– Сколько? – спросил он неожиданно для себя самого.

Художник назвал сумму, которая повисла в воздухе, как шквал. Цифра была астрономической – та, что заставила бы любого нормального человека посмеяться и уйти.

Владимир присвистнул.

Но Антур уже считал деньги.

– Что ты делаешь? – прошипел Ферзь. – Антур! Это же безумие! Хочешь позлить родителей? Выкинуть деньги? Смотри же – это явная подделка!

Антур отсчитал последние купюры и протянул их художнику. Деньги тут же исчезли в перепачканных руках художника.

– Я беру её, – сказал Антур спокойно. – И всё, что досталось от дяди.

– Это истинный XIX век! Клянусь вам! – заговорил художник, пересчитывая наличные дрожащими руками. – Вы можете проверить! Холст, краски, техника – всё подлинное! Я не обманываю! Это не подделка!

Ферзь покачал головой в отчаянии.

– Истинный XIX век, – повторил он с горечью. – Конечно. И я – царица Савская.

Но Владимир молчал. Он смотрел на портрет девушки, на её изумрудные глаза, и на его лице была написана какая-то странная смесь удивления и страха.

– Эти вещи дяди, – спросил он неожиданно, обращаясь к художнику. – Где они?

Художник указал на старый деревянный ящик в углу комнаты.

И тут Антур понял: Владимир всё это время ждал именно этого момента.

Ждал, пока он купит портрет.

Владимир с грохотом открывал ящик, словно ящик лично его оскорбил. Вещи из него сыпались на пол – старые письма, потёртые кожаные переплёты, медные монеты, какие-то безделушки, покрытые патиной времени. Он искал что-то конкретное, это было ясно.

В этот момент художник внезапно наклонился к Антуру, так близко, что тот почувствовал его запах – смешанный, отвратительный, но почему-то пронизанный чем-то древним, архивным.

– У меня есть ещё кое-что ценное, – прошептал художник, и его голос стал совсем другим. Не беспечным, не торгашеским. Серьёзным. Испуганным. – Дядин дневник. Его я отдам за столько же, – он показал на пачку денег в руках Антура. – За такую же сумму.

Пальцы художника тремором дергались, пока он доставал из кармана маленькую записку, с такой спешкой, словно боялся, что Владимир заметит.

– Приходи, если надумаешь, – продолжал он тихо, затапливая записку в карман Антура. – По этому адресу. Сегодня вечером. Один.

Антур хотел что-то спросить, но художник уже отстранился, вернув лицо маске равнодушия.

Тем временем Ферзь хохотал – настоящий, чистый громкий смех разливался по мастерской и звучал как насмешка над происходящим.

– Вот это да! Сокровища! – зывал он, поднимая очередную дырявую вещь. – Вот это находки! Тысячи лет истории!

Владимир резко повернулся от ящика, его лицо было багровым от раздражения. Он ничего не нашёл.

– Пойдём, Антур, – настаивал Ферзь, подходя ближе. – Забирай свою красавицу и пошли домой. Ты уже оставил здесь неприлично много денег. Этот тип получил больше, чем зарабатывает за десять лет!

Но Антур медленно опустил руку в карман, ощущая записку. Адрес пульсировал там, как живой.

Дневник.

Портрет девушки с изумрудными глазами.

Вещи странного дяди.

И Владимир, который внезапно перестал быть просто новым знакомцем из ночного клуба.

Антур взглянул на портрет, и девушка будто бы встретила его взгляд. Её изумрудные глаза светились упреком, мольбой, предупреждением.

– Идём, – произнес Антур, но его голос звучал как-то отвлечённо. – Да, идём.

Он взял портрет, осторожно прижав его к груди, и повернулся к двери. Ферзь, облегченно вздохнув, уже спешил наружу.

Только когда они вышли во двор, где первые лучи солнца начали пробиваться сквозь облака, Антур понял: Владимир так и остался внутри, склонившись над пустым ящиком, разговаривая с художником и говоря что-то быстрое и угрожающее.

Записка в кармане жгла, как уголь, но сжав портрет Антур отправился домой

Ловушка в адресе

Пять часов вечера.

Антур открыл глаза медленно, как если бы веки были свинцовыми. Голова больше не раскалывалась, но во рту была сухость пустыни, и язык прилипал к нёбу. Первым делом он потянулся к стакану воды – вчера он оставил его на ночном столике с расчётом именно на этот момент.

Вода была теплой и безвкусной, но спасительной.

Потом Антур посмотрел на беспорядок вокруг – свои вещи, валяющиеся по полу, одежду, разброшенную в углах комнаты. И портрет.

Портрет был на комодѐ, прислонѐн к стене, будто и не портрет вовсе, а живая женщина, которая ждѐт, пока он проснѐтся.

Антур сел на кровати.

Воспоминания вернулись осколками: ночной клуб, Ферзь, этот странный Владимир, художник с дрожащими руками, пачка денег, которую он отсчитывал, как дилер в казино...

Столько денег.

Столько чѐртовых денег на эту... на эту безделушку.

Что на него нашло? Он же не первый раз видит красивые картины. Москва кишит сотками с зелёными глазами, и все они живые, говорящие, могут ответить на сообщение в «Инстаграме». Зачем ему портрет? Зачем?

Антур встал, подошѐл к комоду и впервые при ясном сознании рассмотрел портрет в деталях.

Техника была безупречной. Холст – и правда старинный, видно по цвету, по микротрещинам. Краски имели ту глубину, которую не повторить современными материалами. XIX век? Вполне возможно. И если это действительно подлинник...

Аукцион.

Мысль возникла неожиданно, но прижилась крепко. Если портрет подлинный, если он действительно работа какого-то забытого мастера, если история у него правильная... то это не беда. Это инвестиция.

Это способ доказать родителям, что он не просто транжира и бездарь. Что у него есть глаз. Вкус. Нюх на хорошее.

Антур достал телефон.

Контакты. Эксперты. Его отец знал половину московских антикваров, коллекционеров, аукционистов. И в контактах Антура были номера людей, которые оценивали картины, проверяли подлинность, разбирались в живописи как никто другой.

Он пролистал список, ища нужное имя.

Александр Морозов – эксперт аукционного дома «Сотбис». Когда-то отец приводил его на оценку какой-то коллекции. Морозов был жѐсткий, бескомпромиссный, но честный. Если кто-то скажет правду о портрете, то это будет именно он.

Антур нажал на контакт.

Телефон гудел в пустоте.

– Александр Евгеньевич?

Голос на том конце провода был знаком – чуть хриловатый, с московским акцентом, с интонацией человека, который слышал тысячи просьб и ни одной не забыл.

– Это Антур, сын Игоря. Да, спасибо, передам папе привет, – быстро добавил Антур, предчувствуя, что Морозов сейчас начнѐт задавать вопросы. – Слушайте, у меня есть к вам просьба. Портрет, якобы XIX век. Полностью оригинальный, по крайней мере, выглядит так. Не могли бы вы его оценить?

Пауза. Морозов дышал в трубку, явно прикидывая, стоит ли ему этим заниматься.

– Где ты его взял?

Вопрос был лаконичный, но содержал в себе целую гору подозрений.

– На художественном дворе. Случайно.

– Случайно, – повторил Морозов, и в его голосе послышалась улыбка. – Игорь воспитал сына с хорошим вкусом. Ладно. Жди моего помощника. Завтра с утра. Адрес высылай.

И трубка отключилась.

Антур посмотрел на портрет, и улыбка расцвела на его лице – самодовольная, триумфальная.

– Посмотрим, сколько ты стоишь, красавица, – прошептал он, подходя ближе к комоду.

Портрет смотрел на него молча.

Антур потянулся, чтобы прикоснуться к холсту.

И только тогда заметил, что записка, которую художник засунул ему в карман, лежала на полу рядом с его курткой. Антур уже забыл о ней, про дневник, про адрес.

Про приказ художника прийти вечером. Одному.

Он поднял бумагу. Почерк был неровный, дрожащий, почти нечитаемый:

«Ул. Чехова, дом 12, квартира 47. Приходи в 22. – В.»

В.

Художник.

Или... кто-то ещё?

Антур переглянулся с портретом. Изумрудные глаза смотрели на него с той же интенсивностью, с какой смотрели утром, с какой смотрели в первый момент, когда он увидел её лицо на художественном дворе.

Дневник, подумал Антур.

Дневник странного дяди.

Антур повертел записку в руках, и расчёт вспыхнул в его голове, ярко и холодно, как электрический разряд. Если в дневнике действительно содержится информация об этой девушке – её имя, история, происхождение – то портрет становится не просто красивой картиной. Это становится нарративом. Легендой. Историей, которую можно рассказать на аукционе, которая увеличит стоимость в разы.

Портрет неизвестной красавицы? Интересно.

Портрет неизвестной красавицы с документированной историей? Это уже легенда.

Антур кивнул самому себе. Логика была безупречна.

Но дневник он возьмёт только если художник действительно покажет, что там написано.

Платить за kota в мешке он не будет – даже Антур не настолько безумен.

Что касается визита вечером...

Один.

Антур посмотрел на свои руки – накачанные, сильные. Семь лет в спортзале, боксёрские перчатки, тренер, который заставлял его работать с грушей, пока не валился с ног. Годы, вложенные в мышцы, в рефлекс, в умение держать удар.

Что может случиться?

Художник – это бродяга, алкоголик, вероятно, со множеством своих проблем. Сам адрес – обычная квартира на Чехова, в самом центре Москвы, где рядом люди, свет, жизнь.

Какой риск?

Антур засунул записку обратно в карман и направился на кухню. До назначенной встречи было ещё несколько часов, и голод громко заявлял о своих правах. Вчера он ничего не ел, только пил, и теперь желудок требовал расплаты.

На кухне было светло и тепло. Антур открыл холодильник, и запах свежести хлынул ему в лицо. Салат, курица, хлеб, масло.

Он нарезал себе бутерброд, налил апельсинового сока в высокий стакан и сел за стол, глядя в окно на вечернюю Москву. Город оживал – огни включались по всему городу, машины медленно полнили на дорогах, люди возвращались домой с работы.

Антур допил сок и вытер рот салфеткой. Потом, почти машинально, он достал телефон и открыл Яндекс.Карты.

Улица Чехова, дом 12, квартира 47.

Результат был один – красная точка на карте Санкт-Петербурга. Не в Москве. На расстоянии 700 километров.

Встреча в 22:00.

Десять вечера.

Антур посмотрел на часы. Было 17:20. До встречи оставалось чуть больше четырёх часов. До Сапсана – который, как он знал, уходит в 18:20 с Ленинградского вокзала – оставалось полтора часа.

Полтора часа, чтобы собраться, добраться до вокзала и купить билет.

Это было очень мало времени.

Антур открыл сайт РЖД. Сапсан до Петербурга – отправление в 18:20, прибытие в 21:50. Билеты были в наличии, но мест оставалось всего два.

Он не раздумывая нажал «Купить». Карта провела платёж, и в мессенджер пришёл электронный талон.

Теперь он не мог отменить решение. Билет куплен. Точка возврата пройдена.

Антур начал собирать вещи в сумку – паспорт, деньги, телефон, портрет в коробке. Движения были автоматическими, рефлексными. Мозг ещё не успел уловить всю абсурдность ситуации: он едет в неизвестный город, в неизвестный адрес, встречаться с человеком, которому не доверяет.

Телефон звонил.

Номер был неизвестный, но код московский.

– Антур Игоревич? – голос был вежлив, профессионален. – Это помощник Александра Евгеньевича Морозова. Я звоню вам чтобы уточнить время и место встречи для экспертизы портрета. Во сколько часов вам удобно? И где мы можем забрать работу?

Антур замер.

Он совершенно забыл о том, что позвонил Морозову.

– Я... – начал было он, но потом остановился. Мозг работал быстро. – Слушайте, а можно ли быстрее? Прямо сейчас?

– Сейчас? – удивление в голосе помощника было заметно. – Это довольно необычно. Обычно мы работаем по предварительной записи. Но... позвольте, я уточню. Через сколько времени вы можете подъехать к нам? Мы находимся на Пречистенке.

– За двадцать минут, – ответил Антур, и в его голосе не было сомнений. – Может быть, даже за пятнадцать.

– Тогда приезжайте. Только предупреждаю – полная экспертиза займёт время. Минимум сутки, если не больше.

– Мне нужна хотя бы предварительная оценка, – сказал Антур. – Это подлинник или подделка? Когда был написан портрет? Кто художник? Это главное.

Пауза.

– Ладно. Приезжайте. Мы посмотрим, что там. Адрес я скину в сообщение.

Трубка отключилась.

Антур стоял в комнате, сумка в руках, портрет в коробке под мышкой. Логика была проста: если портрет окажется подделкой, то ехать в Питер незачем. А если подлинник – то у него будут основания для переговоров с художником. Информация – это власть.

Он спустился вниз.

Такси уже ждало его. Антур дал адрес на Пречистенке и откинулся на спинку сиденья, глядя на портрет в коробке.

До вокзала оставалось полтора часа.

До встречи с художником в Питере – чуть больше трех.

И он всё ещё не знал, во что ввязывается.

Помощь и откровение

Такси резко затормозило.

– Пречистенка, дом 12, – объявил водитель.

Красивое старое здание, отреставрированное, дорогое. Офис аукционного дома «Сот-бис» находился на четвёртом этаже.

Антур выскочил из такси и вбежал в здание, держа портрет под мышкой. Лифт работал медленно – с третьего этажа поднимался на четвёртый целую вечность. Когда двери наконец открылись, Антур вышел оглядываясь.

Помощник Морозова – молодой человек лет двадцати пяти с внимательным взглядом – уже ждал его у входа.

– Антур Игоревич? Проходите, проходите. Александр Евгеньевич уже готов вас принять.

Кабинет Морозова был забит книгами, каталогами, фотографиями произведений искусства. Сам Морозов – мужчина за шестьдесят, с резкими чертами лица и пронизательным взглядом – сидел за массивным дубовым столом.

– Сын Игоря, – сказал он, поднимаясь. – Очень похож на отца. Но отец никогда не спешит. Ты же, похоже, торопишься. Покажи, что ты нашёл.

Антур аккуратно распаковал портрет, положив его на специальную подставку перед Морозовым.

Морозов замер.

Долгие, мучительные секунды он смотрел на портрет. Потом встал, подошёл ближе, надел лупу. Рассматривал холст, краски, обратную сторону холста.

– Откуда это? – спросил он, не отрывая взгляда от портрета.

– Художественный двор. Один художник продавал. Есть ещё дневник, связанный с этой работой.

Морозов обернулся к нему с удивлением.

– Дневник? – переспросил он. – Какой дневник?

– Художник сказал, что у него есть дневник его дяди. Там информация об этом портрете. Я должен встретиться с ним в Петербурге сегодня вечером.

Морозов медленно снял лупу.

– Слушай, я дам тебе профессиональное мнение: это работа конца XIX века. Технически безупречная. Холст – подлинный, краски – подлинные. Это не подделка. Это настоящее. Какой именно художник, когда точно написано – это нужно уточнять. Это требует полной экспертизы, архивных исследований.

Морозов снял лупу и посмотрел на Антура.

– Оставь портрет мне. Я буду заниматься полной экспертизой. Когда вернёшься из Петербурга, мы обсудим результаты. Если ты найдёшь дневник, то это может дать нам ключевую информацию.

– Спасибо, – сказал Антур, и в его голосе была благодарность. Портрет был в безопасности у Морозова. Это было лучше, чем таскать его с собой по неизвестному городу ночью.

Он посмотрел на часы: 17:52.

– Мне нужно идти, – добавил он.

– Куда торопишься? – спросил Морозов.

– На Сапсан. В Петербург. Встреча в десять вечера.

Морозов поднял бровь.

– Сапсан уходит в 18:20 с Ленинградского. Ты не успеешь, если не поторопишься.

Антур не стал спорить. Он вылетел из кабинета, спустился вниз, вскочил в первое попавшееся такси.

– Ленинградский вокзал! Быстро! – крикнул он водителю.
Машина рванула в поток.

Вокзал появился в 18:05. Антур выскочил из такси и рванул в зал ожидания. Электронное табло показало: отправление Сапсана в 18:20. Платформа 3.

Пятнадцать минут.

Он пробежал через всю станцию, миновал турникеты с билетом в приложении, добежал до платформы. Поезд уже стоял, последние пассажиры заходили в вагоны.

Проводница пропустила его в последний момент.

Антур упал в сиденье вагона как подстреленный, запыхавшись, вспотев. Портфель с документами и деньгами лежал на соседнем месте.

Поезд медленно тронулся.

Антур посмотрел на часы: 18:21.

Он успел.

Немногим более трёх часов пути. Сапсан приедет в Петербург в 21:50.

Десять, пятнадцать минут – и он может дойти до улицы Чехова. Там, по адресу, дом 12, квартира 47.

Встреча в 22:00.

Всё было рассчитано точно. Слишком точно.

Антур открыл записку с адресом и начал думать.

Ул. Чехова, дом 12, квартира 47.

Это было в центре Петербурга. Старинные дома, исторические фасады. Кто живёт в этой квартире? Художник? Кто-то другой? И почему именно эта квартира была нужна для того, чтобы показать ему дневник?

Вопросов было больше, чем ответов.

Портрет остался в безопасности у Морозова.

Но Антур ехал в неизвестность.

И теперь у него уже не было выхода.

Петербург встретил Антура приветливо огнями ночного города. Улица Чехова выглядела почти сказочной: невысокие старые дома и, тишина, которую нарушал только шум редких машин.

Дом 12-16 был настоящим гигантом – монолитное здание с несколькими парадными, высокими потолками, историей, которую можно было почувствовать в каждом кирпиче. Антур подошёл к воротам.

Они были закрыты.

Кодовый замок. Что дальше?

Пока Антур размышлял, к воротам подошла пожилая женщина – лет семидесяти, но бодрая, с энергичной походкой. За ней шла маленькая собачка – йоркширский терьер, перепачканный в грязи. В другой руке женщина держала огромный пакет с покупками, из которого торчали батоны хлеба и зелень.

Женщина нажала нужную комбинацию и дверь щелкнула.

– Маруся, проходи быстрее, – сказала она, не оборачиваясь.

Но маленькая собачка замешкалась на пороге, нерешительно переступая с одной лапы на другую. Антур автоматически придержал дверь, дав ей пройти.

Женщина обернулась и посмотрела на него с доброй улыбкой.

– Спасибо, ой спасибо! – сказала она, Маруся, давай живо сюда! – и щёлкнула пальцами. Собачка с визгом бросилась к хозяйке.

Антур улыбнулся вежливо.

– Слушайте, я ищу квартиру 47. Вы не знаете, как туда попасть?

Женщина указала пальцем вверх, на угол здания.

– Шестая парадная, – сказала она. – Вон там, видите? Но... – она замялась и посмотрела на Антура внимательнее. – Вам туда зачем?

– Мне нужно встретиться с одним человеком, – ответил Антур. – Художник, может быть. Или кто-то, кто там живёт.

Женщина покачала головой.

– Там давно никто не живёт, – сказала она тихо. – Я живу этажом ниже, я точно это знаю. Свет никогда не горит. Звуков нет. Только пусто и тишина.

– А давно? – спросил Антур.

– Лет десять, может быть, больше, – ответила женщина, перекладывая пакет из одной руки в другую. – Раньше там жил человек. Саввелий Павлович. Художник был, кажется. Тихий такой, замкнутый. Редко его видела.

Антур посмотрел на женщину, которая боролась с пакетом, собачкой и поводком одновременно.

– Позвольте, я помогу вам, – предложил он, беря пакет из её рук.

– Ой, спасибо, молодой человек! – воскликнула она, облегчённо вздохнув. – Вот это да! А то спина болит, а до четвёртого этажа ещё подняться.

Они начали подниматься по лестнице. Собачка прыгала рядом, цокая когтями по ступеням.

– Слушайте, – начал Антур осторожно, – вы говорили о Саввелии Павловиче. Можете рассказать мне подробнее?

Женщина помолчала, словно вспоминая.

– Саввелий Павлович, – начала она, медленно поднимаясь. – Он жил там лет пятнадцать, может быть, двадцать. Художник был, очень талантливый. Писал портреты, в основном. Старинные портреты, их восстанавливал или что-то вроде того. Человек замкнутый был, ни с кем не общался. Никогда не видела его с друзьями или с семьёй. Только один.

– И что с ним произошло? – спросил Антур.

Галина Ивановна замялась, и в её глазах отразилась боль.

– Его убили, – сказала она тихо. – Полиция сказала, что это было... преступление. Грабёж, может быть, или что-то в этом роде. Когда они вошли в квартиру, она была полностью перевернута. Мебель сломана, полки опрокинуты, всё разбросано по полу. Как будто кто-то что-то искал. Лихорадочно искал.

Антур почувствовал холод по спине.

– Что они искали?

– Никто толком не знает, – продолжила Галина Ивановна. – Полиция была, следователи ходили, но потом всё быстро закончилось. Никаких результатов, никаких арестов. Как будто дело просто закрыли и забыли.

Они добрались до четвёртого этажа. Женщина открыла дверь квартиры 46.

– Заходите, заходите, – пригласила она. – Попью чайку. Я вам расскажу всё, что знаю.

Квартира была уютной, старомодной, полной книг и фотографий. Маруся сразу прыгнула на диван и свернулась клубочком.

Женщина поставила чайник, достала чашки и печенье.

– Я Галина Ивановна, кстати, – представилась она. – Живу здесь сорок лет.

– Антур, – ответил он, садясь за стол.

Галина Ивановна разливала чай в чашки, рассказывая:

– Саввелий Павлович работал в архиве. Государственном архиве. Восстанавливал старые документы, портреты, реставрировал. Очень кропотливая работа. Последние годы он был занят какой-то особенной работой. Он говорил мне как-то, что нашёл что-то потрясающее. Дневник какой-то, записки художника XIX века. Очень ценные материалы, по его словам.

Антур почти выплюнул чай.

– Дневник? – спросил он.

– Да, дневник, – кивнула Галина Ивановна. – Он говорил, что это очень важный материал. Хотел написать статью, может быть, даже книгу. Посвятил ей много времени. Но не успел.

Антур медленно поставил чашку.

– А где этот этот дневник? – спросил Антур.

– Дневник остался в архиве, где он работал, я уверена – ответила она. – Саввелий работал там, исследовал материалы на месте. Записки, его рабочие материалы, копии документов – всё это остаётся в архиве.

Антур почувствовал, как картина начинает складываться.

Кто-то убил Саввелия. Кто-то перевернул его квартиру. Кто-то искал дневник.

Но дневник был не там. Дневник был в архиве.

– Вы знаете, где этот архив? – спросил Антур.

– На Псковской улице, – ответила Галина Ивановна. – Но туда просто так не попасть. Нужно разрешение, документы. Это закрытый архив. Государственный.

Антур медленно поставил чашку и внимательно посмотрел на Галину Ивановну.

– Скажите, вы каждый день приходите домой в это время? Примерно в десять вечера?

– Да, каждый день, – кивнула она. – Я работаю в библиотеке, смены заканчиваются в девять. Марусю нужно выгулять, потом домой. Как часы. Каждый день в одно и то же время.

Антур встал и прошёлся по комнате.

Художник дал ему адрес квартиры Саввелия. Художник рассчитал, что Антур встретит Галину Ивановну. Что она расскажет ему про убийство, про разгромленную квартиру, про дневник в архиве.

Это была не случайность.

Это был план.

– Галина Ивановна, – сказал Антур, возвращаясь к столу, – вы не могли бы написать мне адрес этого архива? Полный адрес, если возможно.

Галина Ивановна встала и подошла к письменному столу, стоящему у окна. Она достала листок бумаги и авторучку.

Написав адрес, она протянула листок Антуру.

– Спасибо, – сказал он, складывая бумагу в карман.

– Будьте осторожны, – повторила Галина Ивановна, и в её голосе звучало искреннее беспокойство. – Саввелий был осторожным человеком. Очень осторожным. Но даже ему осторожность не помогла.

Антур посмотрел на часы. Было 23:15.

– Спасибо за чай и за помощь, – сказал он. – Вы мне очень помогли.

Антур спустился вниз, вышел на улицу.

Антур посмотрел на листок с адресом, потом на ночное небо Петербурга.

Где-то здесь ответы. Где-то в архиве лежали записки Саввелия. Материалы о дневнике XIX века. История портрета, истории девушки с изумрудными глазами.

И история того, почему Саввелия убили.

Истина в ночной тени

Петербург ночью был красив и тревожен одновременно. Огни отражались в лужах, ветер дул с Невы. Антур стоял на краю набережной, глядя на воду.

До утра оставалось меньше восьми часов.

До открытия архива – примерно столько же.

Он не мог просто так бродить по городу до рассвета. Нужно было найти место, где можно переночевать, хотя бы на несколько часов.

Неподалёку, на одной из боковых улиц, Антур нашёл небольшой гостевой дом. Место было скромным, но чистым. Он забронировал номер на несколько часов, поднялся в комнату и рухнул на кровать, не раздеваясь.

Сон не приходил.

Его мозг работал на полную мощность. Портрет остался в Москве у Морозова. Дневник где-то в архиве. Саввелий мёртв. И кто-то был готов убить за информацию.

За эту информацию.

Утро пришло серым и холодным.

Антур вышел из гостевого дома в 08:45. На улице Псковской, где располагался архив, было тихо. Красивое историческое здание с табличкой: «Государственный исторический архив. Открыто: с 10:00 до 18:00».

Он вернулся в близлежащее кафе и заказал кофе и бутерброд. Он думал о том, как попасть в кабинет 305, как объяснить охране, почему ему нужны материалы мёртвого реставратора.

В 09:55 он стоял у входа в архив.

В 10:00 двери открылись.

Первой помехой была администратор – женщина лет пятидесяти, с очками на цепочке и выражением лица, которое говорило: «Я видела всё и вам ничего не будет».

– Добрый день, – начал Антур вежливо. – Мне нужна информация по материалам, которые находятся в кабинете 305. Работа реставратора Саввелия Павловича.

Администратор подняла брови.

– Саввелий Павлович? – переспросила она. – Этот человек не работает в архиве уже несколько лет.

– Я знаю, – ответил Антур. – Но его материалы, его исследования... они остались?

Администратор медленно встала и прошла к картотеке.

– Какое ваше отношение к его работе? – спросила она. – Вы родственник? Студент? Исследователь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.